

ШЕВЧЕНКОВСКОЕ СЛОВО В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЭПТОНИМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (44)

УДК [811.161.3:811.161.2]:373.7:821.161.82-84

DOI:10.24144/2663-6840/2020.2(44).141–150

Дядечко Л. Шевченковское слово в белорусском языке в контексте восточнославянского эптонимического взаимодействия; кількість бібліографічних джерел – 31; мова російська.

Аннотация. В статье изучается функционирование шевченковских текстов в белорусской лингвокультуре в контексте взаимовлияния восточнославянских языков в сфере эпонимов – крылатых выражений в узком смысле.

Актуальность исследования обусловлена общим интересом к проблемам лингвокультурологии и лингвоперсоналогии, активным развитием славянской эпиграфии и социальным заказом (насущными вопросами самоидентификации восточнославянских народов). Цель исследования – установление форм и степени закрепления шевченковских выражений в белорусском языке на фоне взаимного отражения единиц восточнославянского происхождения в эпонимических словарях. Главные задачи – выявить белорусские тексты, в которых используются шевченковские выражения с характеризующими целями; определить основные типы этих выражений; доказать закрепление их части на правах фразеологизмов.

Перекрестный анализ словарей показал, что в белорусской и украинской лексикографии в силу объективных и субъективных причин среди единиц иноязычного происхождения массово отражены только эпонимы русскоязычных авторов. В белорусской эпиграфии не зафиксирован ни один оборот украинского происхождения, однако, например, выражения из сочинений Шевченко более или менее часто встречаются: 1) в текстах белорусских писателей (прежде всего переводчиков стихов из «Кобзаря»), 2) в текстах массовой коммуникации (в публицистике об украинских событиях или напоминающих таковые; в социальных сетях, отражающих живую белорусскую речь). В белорусских текстах шевченковские обороты используются как цитаты, реминисценции, аллюзии и эпонимы. В роли эпонимов, развивших собственные структурно-семантические признаки, в белорусском языке выступают два восходящих к Шевченко выражения *на Україне мілай* и *памянуць нязлым ціхім словам*. Соответствующие эквиваленты функционируют тоже как эпонимы в украинском и русском языках.

Проведенное исследование показывает необходимость дальнейших поисков эптологических фактов восточнославянского взаимовлияния для воссоздания его полной картины.

Ключевые слова: крылатые слова, цитаты, аллюзии, эпонимы, Шевченко, белорусский язык, восточнославянское языковое взаимодействие, лексикография.

Постановка проблемы. В условиях глобализации информационной сферы, где доминирующую роль играет английский язык, лингвисты, решая традиционную проблему взаимодействия языков, делают закономерный крен в сторону изучения его влияния на другие языки. Однако появление на сломе тысячелетий нескольких самостоятельных славянских государств на карте Европы и рост национального самосознания, проявляющегося в интересе к истории и языку своего народа, требуют анализа контактов и между родственными языками (включая восточнославянские), особенно на лексико-фразеологическом уровне как наиболее для всех наглядном.

Становление эптологии (теории крылатых слов и / или выражений в их строго лингвистическом толковании, или эпонимов [Дядечко 2002, с. 139–141]) позволяет по-новому посмотреть на вопросы языкового влияния в области расширения номинативного фонда языка-реципиента, когда на первый план выдвигается роль конкретного индивида – выдающегося представителя народа, носителя языка-донора. Предположить такое влияние Тараса Шевченко на белорусскую фразеологию позволяет ряд обстоятельств: 1) давние тесные белорусско-украинские языковые связи [Аниченко 1969, с. 4–5]; 2) пропагандирование смелых стихов Шевченко сначала русскими революционерами-де-

*Плывучы ўдаль, твая песня,
Гасьцінцам ня вузкім,
Знайшла водгалас пачэсьне
Ў сэрцы беларускім.*

Янка Купала. Памяці Шаўчэнка

мократами, затем всячески поддержанное в советский период; 3) введение в школьную программу по литературе стихов из «Кобзаря» и заучивание наизусть знаменитого лирического монолога «Заповіт», причем на языке оригинала – и не только в школах Украины, но и в школах других союзных республик; 4) внимание к творчеству украинского поэта в системе школьного образования в Республике Беларусь [Спіс твораў... 2019]; факультативное изучение украинского языка [Учебная программа «Украинский язык»... 2018], что, безусловно, невозможно без опоры на шевченковские тексты; неподдельный интерес к жизни и деятельности Кобзаря белорусских учащихся (см. [Філіповіч 2009]).

В связи со сказанным выявить и осмыслить факты влияния Шевченкова слова на белорусский язык представляется не только насущной, но и реализуемой задачей.

Анализ исследований. Среди новейших публикаций о взаимовлиянии восточнославянских языков, если не принимать во внимание социо-

лингвистические работы, выделяется едва ли не единственная статья, в которой представлен материал всех трех генетически родственных языков и проведен глубокий системный анализ русских и украинских заимствований в белорусском языке [Гапоненко 2018] (ср. более раннее исследование [Зинкевич 2013]).

Однако ни в этой научной сфере, ни в смежной, изучающей восточнославянские языки в сопоставительном аспекте области за столетний период практически не задействованы такие эмоционально-экспрессивные единицы, как скрытые цитаты, крылатые выражения и под., за исключением работ о своеобразии функционирования библеизмов, обычно рассматриваемых в составе идиоматики [Венжинович 2011; Иванов, Кравцова 2019], и публикации об эпитонимах как факторе национальной консолидации [Diadachko 2010]. Между тем именно эти культурогенные феномены, восходящие к текстам – воплощению духовной культуры – и являющиеся частью прагматикона языковой личности [Караулов 2010, с. 100], в эпоху культуроцентризма в теоретической лингвистике привлекают пристальное внимание ученых.

Усиленное внимание к данным единицам характерно и для прикладного направления восточнославянского языкознания: в последние 20 лет активизировалась работа по созданию словарей цитат, интертекстем (см. дефиницию в: [Сидоренко 1999, с. 11]), крылатых слов, а также словарей, в которых эти образования представлены в разных комбинациях. В последнее время вышли эпитонимические словари белорусского [Венідзіктаў і др. 2004; Крылатыя выразы... 2006] и русского [Берков и др. 2008–2009] языков; переиздан со значительными изменениями украинский справочник [Коваль, Коптілов 2011].

В авторской восточнославянской лексикографии сформировался новый жанр – словарное описание цитат и подобных единиц одного писателя. В русистике была выпущена начатая «Словарем крылатых выражений Пушкина» [Мокиенко, Сидоренко 1999] серия (см.: [Мокиенко и др. 2009; Мокиенко, Сидоренко 2013; Кольцова, Чуриков 2012] и др.); в украинистике в этом жанре сделаны справочники по оборотам из сочинений Шевченко [Каляка 1999; Щербина 2001]; в белорусистике – афористический словарь по поэме Якуба Коласа «Новая земля» [Иваню 2004].

Был создан и переводной авторский словарь [Дядечко и др. 2012], где охарактеризованы эпитонимы, восходящие к сочинениям Н.В. Гоголя – наиболее цитируемого в русской и украинской лингвокультурах прозаика. Сопоставление авторского и общих словарей выявило существенные расхождения в количественном составе гоголизмов, бытующих в живой русской и украинской речи. Так, в словаре [Берков и др. 2008–2009, т. 2, с. 704] их 86, тогда как в русско-украинской части переводного авторского словаря, в которой подробно описывался русский речевой материал, зафиксировано 250 гоголевских эпитонимов; в словаре [Коваль, Коп-

тілов 2011, с. 696] – 17, а в украинско-русской части переводного словаря, согласно нашим подсчетам, 105 гоголизмов, активно функционирующих в украинском языке. По сути, в этом авторском словаре был впервые поставлен и решен, правда только лексикографическими средствами, вопрос о реальном вкладе писателя, пишущего на одном языке, в лексико-фразеологический корпус другого языка и вместе с тем были наглядно продемонстрированы лакуны, которые имеются в общих словарях крылатых слов и выражений, в освещении полного собрания эпитонимов, восходящих к сочинениям даже много читаемого носителями русского и украинского языков и детально изучаемого в школе классика.

Актуальность исследования обусловлена:

1) необходимостью углубления научных представлений о процессах влияния и взаимовлияния языков путем привлечения материала, свидетельствующего об индивидуальной роли в этих процессах выдающихся личностей; 2) развитием лингвокультурологии, обращающейся к проблемам формирования лингвокогнитивной базы и, в частности, пополнения прагматикона языковой личности за счет прецедентных текстов разного типа; 3) активизацией эпитографической деятельности в славистике; 4) потребностями лингвистической шевченкианы, призванной предоставить и оценить факты закрепления слов и выражений с печатью шевченковского авторства в украинском языке и – при наличии – в других языках; 5) социальным заказом, связанным с остро поставленными в настоящее время проблемами национально-языковой самоидентификации восточнославянских народов.

Цель статьи – установление форм и степени закрепления шевченковских речеобразований в белорусском языке на фоне взаимовлияния восточнославянских языков в эпитонимической сфере. Для достижения этой цели решаются следующие **задачи**: 1) изучается взаимное отражение в эпитонимических словарях выражений выдающихся деятелей – представителей белорусского, русского и украинского народов; 2) очерчивается круг текстов, характеризующихся потенциальной возможностью апеллирования к сочинениям Шевченко; 3) определяются основные типы шевченковских выражений вне их исконной сферы бытования и способы их включения носителями белорусского языка в свою речь; 4) доказывается вхождение эпитонимов из стихотворения «Заповіт» в белорусский фразеологический фонд.

Методы и методики исследования. Анализ речевого материала осуществлялся описательным методом с учетом сопоставительных методик. Для аргументации разновидностей шевченковских прецедентных выражений привлекался прием подсчетов; для демонстрации эпитонимичности части этих оборотов и особенностей их функционирования в речевой коммуникации использовался метод двойной аппликации, внедренный в [Дядечко 2002, с. 146].

Изложение основного материала. Свидетельства влияния одного восточнославянского языка на другой на эпитолическом уровне обна-

руживаются уже в наиболее ранних в восточнославянской эпиграфии изданиях – первых словарях крылатых слов и выражений русского языка. Так, в сборник, который вышел еще в XIX веке, включена лаконичная надгробная речь казака в переводе на русский *Он мертв, т. е. не дышит... Молчит!.. т. е. не слышит!.. Ей, ей, увы! Он умер! Аминь!* из «Енеїди» Котляревского [Редников 1883, с. 180]. Во втором эпиграфическом издании, опубликованном в первой трети XX века, представлен отрывок из поэмы Шевченко «Кавказ», причем и в украинском, и в русском вариантах: *Мовчати, бо благоденствують* и *Молчала, ибо благоденствовала* [Займовский 1930, с. 214–215].

В самом крупном современном собрании эпонимов русского языка описан другой шевченковский оборот *незлым, тихим словом (вспоминать / вспомнить кого, что)* [Берков и др. 2008–2009, т. 2, с. 53]. В этом словаре обнаруживаются и другие выражения украинского происхождения: *тени забытых предков* (название повести М.М. Коцюбинского) [там же, с. 442], квалифицируемое как устаревшее *чувство семьи единой* (русский перевод названия стихотворения П. Тычины «Чуття єдиної родини») [там же, с. 569] и выступающее в двух огласовках *Дывлюсь я на небо [та й думку гадаю]* – *Гляжу я на небо [и думку гадаю]* (зачин песни на слова М.Н. Петренко, ставшей народной) [там же, т. 1, с. 338].

Однако изучение бытования только шевченкизмов в русскоязычном общении показывает, что количество эпонимов украинского происхождения может быть увеличено в словарях в несколько раз. По крайней мере еще двадцать оборотов, восходящих к сочинениям Кобзаря, обрели эпонимичность в русском языке, имея нерегиональный характер и употребляясь в русскоязычных текстах и за пределами Украины, в т. ч. первый из названных шевченкизмов, который, однако, сейчас функционирует в иных вариантах: «...президентские замыслы исправно исполняются, рейтинги неколебимы в пределах статпогрешности, и “*все молчит, бо благоденствует*”» (Эксперт, 20.12.2004); «...такая вот пауза, когда «в России *всё молчит, ибо благоденствует*» – она ужасна» (Таймер, 09.04.2011) [Дядечко 2020].

Что касается эпонимов белорусского происхождения в «Большом словаре...», то к ним лишь условно можно отнести выражение *У войны – не женское лицо* [Берков и др. 2008–2009, т. 2, с. 472] – название документальной книги лауреата Нобелевской премии С.А. Алексиевич – белорусской писательницы, пишущей по-русски, которая родилась в украинском Станиславе. Предваряя дальнейшее изложение, скажем, что эта крылатая фраза в переводе зарегистрирована и в белорусском (см. *У вайны – не жаночы твар* в [Крылатыя выразы... 2006, с. 149]), и в украинском словарях (см. *У війни – не жіноче обличчя* в [Дядечко 2003, с. 94]) и что в украинском языке она, как и в русском, единственная из причастных к белорусской культуре эпонимов.

Начало белорусской и украинской эпиграфий, которое было положено лишь в 60-е годы XX века, принципиально отличалось подходом составителей к заимствованиям. В первом белорусском сборнике, как подчеркнуто подзаголовком «З беларускіх літаратурных крыніц», не ставилась задача отразить какие бы то ни было иноязычные выражения [Янкоўскі 1960]. Составители первого украинского эпонимического словаря [Коваль, Коптілов 1964], наоборот, их включили и, кроме того, подошли к их обработке творчески – с учетом степени освоенности единиц. Они в первом разделе книги разместили все крылатые выражения, которые используются исключительно по-украински: и исконные, и заимствованные. Во второй раздел вошли «такі цитати з творів російської літератури, які або широко вживаються мовою оригіналу, або мають по кілька українських варіантів (найчастіше це прозові переклади російських віршованих рядків)» [там же, с. 4], в третий – заимствованные обороты, которые в украинской речи функционируют обычно без перевода, а в письменных текстах сохраняют свой исходный латинский графический облик (в эту часть включено и словосочетание *boa constrictor*, эпонимизированное на украинской почве благодаря названию одноименной повести И. Франко [там же, с. 602]). Крылатые выражения, извлеченные из русских текстов, таким образом, представлены в первом (в количестве 94 единиц) и во втором (58 единиц) разделах. (Впрочем в двух последующих изданиях авторы отказались от деления словаря на части, вынеся в вокабулу украинские варианты заимствованных эпонимов.)

В белорусистике лексикографы обратились к пришедшим из других лингвокультур крылатым выражениям совсем недавно, спустя более столетия после выхода первого эпиграфического сборника Ф.М. Янковского. Понятно, почему выбор ученых пал прежде всего на процесс заимствования, который носил в белорусском языке массивный характер: на крылатые выражения из европейских и американских [Венідзіктаў і др. 2004] и из русскоязычных источников [Крылатыя выразы... 2006]. В предисловии ко второй книге отмечается, что в ней описывается более 300 единиц [там же, с. 3]. Поиски эпонимов белорусского языка, которые восходят к украинским текстам, как видим, не предпринимались.

Непосредственным стимулом к началу таких поисков послужил масштабный лексикографический проект «Шевченкове слово в мовах світу», осуществляемый преподавателями Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, которые к настоящему моменту уже подготовили к печати справочник шевченковских цитат и их производных в 30 языках¹. В ходе реализации проекта было выяснено, что наиболее часто, если не считать литературоведческих работ, в которых анализируется словесно-художественное мастерство украинского писателя, цитаты, аллюзии и под. из творчества Шевченко встречаются в текстах тех, кто переводил его сочинения, а в современной пу-

блицистике – обычно как отклик на те или иные события, происходящие в общественно-политической жизни Украины.

Среди классиков белорусской литературы выделяется первый переводчик произведений Шевченко на белорусский язык Янка Купала, испытавший очевидное и разностороннее влияние со стороны украинского поэта [Калинчук 2013, с. 655], о чем свидетельствуют названия самых ранних сборников «Жалійка» и «Гусяляр», в которых слышна переключка с главной книжкой Кобзаря. Янка Купала не только много переводил Шевченко, но и посвятил ему свои стихи, в которых апелляция к тексту «Кобзаря» имеет четкие лексико-фразеологические очертания.

Богата аллюзиями на Шевченко поэма Янки Купалы «Тарасова доля» (1939). В ее первой части такие ключевые понятия, как *Днепр* и *степь*, находятся в неразрывном единстве – это явная отсылка к начальной строфе знаменитого стихотворения «Заповіт» (1845): «Ходзіць гоман па Ёўкраіне / У святочных шатах... / Гаманіць Дняпро са стэпам / Аб вялікім святу». То же, кстати сказать, наблюдаем и в стихотворении «Памяці Т. Шаўчэнкі (25 лютага 1909 г.)»: «Праслаўнаму бацьку ўкраінскай свабоды / Паклон б'е разбуджана ўся старана, / Талкуюць аб гэтым Дняпровыя воды, / І думае думу стэпоў цішына».

Другое выражение из поэмы «Тарасова доля», которое тоже следует трактовать как аллюзию на поэтическое завещание украинского поэта, – это известный всем восточнославянским языкам фразеологизм, сохраняющий правила поведения по отношению к умершим: белорус. *успамінаць (памінаць) добрым словам*, рус. *вспоминать (помянуть) добрым словом*, укр. *пом'янути (помянути) добрим словом*. В своем гимне-завещании Шевченко обновил идиому: *пом'янути незлим тихим словом*. В таком виде выражение вошло уже как шевченковское в речевой обиход всех трех языков (см. подробнее далее), а Янка Купала возвращает почитателей таланта Кобзаря к народным истокам, но связь между производящей и производной единицами, безусловно, сохраняется в сознании читателей: «Добрым словам памінае / Вялікага сына / Украіна маладая, / Вольная Ёўкраіна».

Наконец, в поэме «Тарасова доля» находим еще одну аллюзию – на этот раз на стихотворение «До Основ'яненка» (1839), когда белорусский поэт прибегает к персонифицированному сравнению Украины с сиротой: «Украіна пад панамі, / Пад жандарам-царам / Сиротою стогне, гіне / Ёў жудкіх думках, марах».

Для Шевченко это образ знаковый, он встречается и в мистерии «Великий льох» («Стоїть в селі Суботові...», 1845): «Отак-то, Богдане! Занапастив еси вбогу *Сироту Украйну!*». Однако в данном случае ассоциация поэмы Янки Купалы именно с посланием, в котором Шевченко пишет об Украине: «Обідрана, сиротою / Понад Дніпром плаче; / Тяжко-важко сиротині, / А ніхто не бачить...», – несомненна. Она основана на сходстве конструкций и на том, что в обоих текстах существительным управ-

ляет глагол одного лексико-семантического класса, объединяющего обозначения внешнего проявления эмоционально-оценочного отношения.

В начале стихотворения автобиографического характера «Каменка» (1946) другого белорусского классика А.А. Кулешова, который перевел около 60 сочинений Шевченко, обнаруживаются сразу несколько отсылок к «Кобзарю»: «Жыў дзед мой, ходзяць чуткі, / Каля *дняпроўскай плыні*, / У Каменцы бялюткай, / *На мілай Украіне*. / Любіў ён *вішань лісце*, / *І стэп любіў, і хвалі...*». Здесь видим и образ вишневого сада, с подачи Шевченко ставший символом Украины (см. «Садок вишневый коло хати...» из цикла «В казематі», 1847), и картину бушующего Днепра, отсылающую к двум произведениям: к отрывку «Реве та стогне Дніпр широкий...» из баллады «Причинна» (1837) и, конечно, к «Заповіту», из которого к тому же еще заимствована целиком строка, но не с инверсивным, как в оригинале, а прямым порядком слов.

Точно воспроизводится структура этого шевченковского оборота в посвященном Шевченко стихотворении «На гары Чарнечай» (1960) еще одного белорусского поэта и переводчика А.С. Велюгина: «І панёс Дняпро нястомны – / без кают, без класаў – / трох сыноў Дзвіны і Нёмна / на паклон Тарасу. <...> Колькі песень вечарамі / *на Украіне мілай!* / У дарозе за плячамі / мы адчулі крылы». В этом же произведении находим и другую строку из завещания Кобзаря: «Гэтак лёгка, гэтак светла! / Гляньце за Дняпро вы – / ... *У сям'і вялікай, новай / ёсць вяршынь вяршыня*».

Белорусский прозаик В.С. Короткевич, который учился в киевском университете, носящем имя Шевченко, написал эссе о великом украинце, вынес в название строку «І будуць людзі на зямлі» (1964) из стихотворения «І Архімед, і Галілей...» (1860). В конце эссеист цитирует его концовку и повторяет пророческую фразу, включая ее в ткань своего повествования с небольшими изменениями: «Людзі будуць, урэшце, на ўсёй зямлі. І ў немінурым чаканні гэтага мы павінны вечна дзякаваць светачам, і сярод іх Кабзару, за тое, што ён вучыць таму, што не падмане і не састарэе: любові да чалавека, вучыць адзіна вартаму ў свеце – мужнасці».

Этот прием – сначала цитирование отрывка из стихотворения на языке оригинала, а затем включение в свою речь шевченковского оборота в белорусском переводе – используется Короткевичем несколько раз, например: «Паэт задыхаўся: «І день іде, і ніч іде. / І голову схапіўшы в рукі, / Дивуешся, чому не йде / Апостол правды і науки!». Ставячы перад сабою гэта пытанне, ён не ведаў, што *апостал праўды і навукі даўно ўжо з'явіўся ў свет*, ударыў грамавержца, прыкутым Праметэем пакутаваў у пустынях і цяпер памірае ад пакут, нявія даў яму лёс, ад няздзейсненых жаданняў, ад няволі. Не ведаў, што апосталам гэтым быў ён сам».

Интересен отрывок, который содержит сразу два шевченкизма (второй – из поэмы «Княжна», 1860): «Маліцеся лёсу, паэты, каб ён даў вам у сэрцы вашага народа хоць сотую долю таго месца, якое

займає ў сэрцы звычайнага ўкраінскага селяніна Тарас... Старыя, амаль непісьменныя дзяды чыталі некаторыя яго творы на памяць. І калі над белымі букетамі цвітучых садоў басілі хрушчы – гэта было як Тарасаў «Садок вишневий». І, напэўна, мала хто ў такія празрыстыя вечары не ўспамянаў аб ім.

Хрушчы басілі над вішнямі, як тысячы тысяч сімпатычных бамбавозаў. І гаспадар мой, філосаф ад прыроды, з двухкласнай асветай, ідучы са мною ў Тарашчу і ўыходзячы на гару, кожны раз спыняўся, аглядаў беленькія ў зялёным хаткі і з чуллывай умешкай дэкламаваў: *Неначе писанка, село*.

Данный отрывок примечателен также тем, что констатирует народный характер шевченковской поэзии, а в начале эссе писатель показал, что и для белорусов она своя: «У тую ноч над Дняпром раўла страшэнная навальніца. <...> Мой бацька, які ўвогуле не вельмі любіў вершы, падышоў да акна <...> і, глядзячы некуды ў змрок, ціха сказаў: / *Реве та стогне Дніпр широкий, / Сердитий вітер завива...*».

Эти мощные, как слова национального гимна, строки находим в белорусском переводе в одном из посвященных Шевченко стихотворений поэта Г.И. Бородулина «Паклон ад зор» (сб. «Абсяг», 1978): «Праходзілі, як сны, / Прароки. / Ды жыў наказ, / Што даў Тарас. / *Стагнаў і роў / Дняпро шырокі, / Спатолюў смагу / Зорных трас*».

Бородулин перевел несколько сочинений Шевченко, включая «Заповіт», к которому аллюзивно обращается и в этом стихотворении: «Непадуладны / Волі нечай, / Народ не церпіць / *Кайданоў*», – и в стихотворении «Ля помніка Т.Г. Шаўчэнку ў Ашхабадзе» из того же сборника: «Удзячна помніць / Аб гордым сыне / *Сябрына ў вольным застоллі!*».

Шевченковские цитаты, особенно общественно-политического звучания, не редкость и в белорусском интернет-пространстве: это и призывы из поэмы «Кавказ» (1845), обращенный к находящемуся в заключении главе правозащитного центра «Вясна» Алесю Беляцкому: «Шаноўны Алесь! Вы пераможаце. Шаўчэнка казаў: *Барыцеса – набораецце!*» (Дзедзіч, 15.10.2012); и выражение надежды на справедливое обустройство жизни из поэмы «Юродивый» (1857), реминисцентно повторенное в журналистском эссе: «У цэнтральнай частцы Вашынгтону <...> стаіць помнік Тарасу Шаўчэнку, на якім я прачытаў словы ўкраінскага песьняра: «...*коли / ми діждемося Вашынгтона / з новим і праведним законом? / А діждемося-таки колись!*». <...> Што да мяне, дык прачытваю я ў словах Тараса Шаўчэнка пра сваё, пра Беларусь. «*Калі МЫ дажджэмася Вашынгтона?*»» (Наша ніва, 07.06.1998).

Среди разнообразных способов включения цитат и их производных в речь наиболее лингвистически значимы, как подчеркивалось, те случаи, когда оборот начинает употребляться наравне с идиомами, а это значит, что у устойчивого сочетания слов, оторвавшегося от текста-источника, формируется собственная форма и содержание и, следовательно, развивается способность именовать объекты и ситуации. Уверенно можно утверждать, что два выражения из бытующих в белорусском ре-

чевом обиходе стали поистине крылатыми, превратились в эпонимы.

Первый эпоним *на Ўкраіне мілай* – принадлежность прежде всего художественной речи. К приведенным примерам можно добавить еще название одного из эссе в сборнике воспоминаний В.А. Кулешовой «Лясному рэчу праўду раскажу» (1989) «*На мілай Украіне*», отсылающего не только к «Заповіту», но и к стихотворению ее отца, народного поэта Белоруссии, который подал шевченковскую строчку именно в таком виде. Важно, однако, то, что этот оборот встречается и в непридуманной, живой речи, отражением которой служат тексты социальных сетей, см., например, комментарий к информации «СМИ узнали о решении Украины вступить в Таможенный союз» (news.tut.by, 07.12.2013): «...*на Ўкраіне мілай* раскол па поўнай». Или впечатления ученика от конкурса «Великий Кобзарь Украины», в которых пишущий аллюзивно использует строку Шевченко: «Я ўважлива слухаў біяграфію паэта. Як моцна ён любіў сваю *мілую Украіну*, свой народ, сваю мову!».

Этот оборот уже давно выступает в качестве эпонима и в украинском языке, и в русском языках. В украинском он закрепился не позднее 1930-х годов, когда была написана пьеса И. Чабаненко, которая так и называлась «На Украіні милій», так же назван раздел в книге П. Загребельного «Думки нарозрахрист» (1974–2003), а в наши дни – концерты, выставки и под. Ср. также запись в блоге: «Правий сектор готовий відстояти Євромайдан і своє право *на Украіні Милій*» (obozrevatel.com, 13.12.2013). В украинистике выражение *на Украіні милій* лексикографировано впервые в [Щербина 2001, с. 230], в русистике – в [Дядечко 2020]. Во всех трех языках оно означает «на Украине, дорогой сердцу говорящего», но с разными оттенками: для украинца – «в родной отчизне», для белоруса или русского (если они не граждане Украины) – «в местах Украины, где говорящий родился, или жил, или бывал и которые полюбил».

Второй эпоним *памянуць нязлым ціхім словам* получил широчайшее хождение в белорусском языке в разных его стилях, в интернет-коммуникации. Так же, как и в других восточнославянских языках, он развил вариантность: глагольный компонент заменяется на *успомніць, згадаць* и под. (укр. *пом'янути* – на *вспом'янути, згадати* и др.; рус. *помянуть* – на *вспомнить, вспоминать* и пр.), прилагательное *нязлым* – на *добрым* (аналогично в украинском и русском языках). Симптоматично, что, начиная с первого издания, составители словаря украинских крылатых выражений вынесли в вокабулу только управляемую часть словосочетания [Коваль, Коптілов 1964, с. 306–307]. Действительно, в роли главного слова в данном эпонимическом обороте может выступать целый ряд глаголов памяти, используемых для именования процесса говорения, и глаголов других лексико-семантических групп в том же значении; см., например, заметку на сайте Львовского национального университета о том, что на торжественном вечере в январе 2010 года «незлым тихим словом *вшанували*» поэта В. Симоненко,

или информацию об открытии Шевченковского вечера, в которой говорится, что посол Украины в Белоруссии «*благославіў* мерапрыемства нязлым ціхім словам» (Наша ніва, 19.03.2000). В украинском и русском языках, кроме того, распространен вариант, в котором управляемая часть стоит во множественном числе, как в данных, наилучшим образом манифестирующих народность шевченковского эпонима образцах дилетантской поэзии, в обилии заполняющей интернет-пространство: «*Читаємо твої вірші. / Вони для серця, для душі. / І згадаєм тебе, між нами, / «Незлыми, тихими словами»...*» (Френсис. Тарасу, 2004); «*Мы на картошке про тебя / Незлыми тихими словами вспоминали. / И благодарны всем богам, / Что встречу нам с тобой они послали*» (Л. Ковалева. Посвящается Бариновой... (2012).

В восточнославянской лексикографии до настоящего времени толкование анализируемого шевченкизма было дано только в словаре русского языка: «формула благодарного, спокойно-почтительного воспоминания о ком-, чём-л.; часто употр. иронически» [Берков и др. 2008–2009, т. 2, с. 53] (см. примеры там же, а также в [Дядечко 2020]). Такое значение изначально присуще обороту и в двух других восточнославянских языках; ср. в белорусских текстах: «1-га снежня кожнага года Навум, Валянцін Тарас, Саша Дракахруст, Федзя Яфімаў і я ішлі на Маскоўскія могілкі да знаёмай магілы, каб яшчэ раз *памянуць «нязлым ціхім словам»* гэтага выдатнага чалавека і літаратара <Р. С. Бярозкіна>» (В. Кіслік. Пра чырвонаармейца Навума Кісліка... (2013); «...той, які і з'яўляецца журналістам, шчыра апісвае рэаліі культурнага жыцця невялічкага паселішча. <...> Не п'яе дыфірамбаў, але *«нязлым ціхім словам»* згадвае пра мясцовую культуру, якая «энтузіястамі накіроўваецца, энергіяй энтузіястаў дыхае, ідзе да людзей з дабром»...» (газ. «Культура», Минск, 2019, № 11); в украинских текстах: «... згадаемо добрим словом наших незабутніх і будемо сподіватися, що й нас, можливо, дехто *спом'яне незлим, тихим словом...*» (О. Бердник. Питьма вогнища не розпалює... (1993); «Не забуваймо їх, поки вони ще живі, й *пом'янемо незлим, тихим словом* тих, хто вже спочиває з Господом. З Днем батька!» (В. Лабунський. Мій батько, 2016). Шевченковское выражение может использоваться, как и в русском языке, в ироническом контексте: «Лавіруючы паміж міністрамі замежных спраў (якіх з 1990 года змянілася 7 чалавек) <...> *узгадваючы добрым ціхім словам* старшыняў Белтэлерадыёкампаніі (7 чалавек), пералічваючы прэм'ер-міністраў (7 чалавек), мы спрабавалі знайсці ў высокіх кабінетах доўгажыхароў» (Тут і цяпер, 22.11.2012); «Минув День журналіста. Що зазвичай роблять люди у такі дні? Вони *незлим тихим словом* поминають забутих героїв. От і <...> я вшановую пам'ять забутих монстрів тележурналістики, а саме – колись впливових, а зараз припалих пилотом забуття телеведучих» (Детектор медіа, 6.11.2006).

Как представляется, такие иронические употребления должны быть объединены со случаями, где эксплицирована сема 'ругать кого-, что-либо',

как в белорусском тексте: «*Выпраўляйцеся зараз жа. Жанчыны такіх не любяць*». – «...Могуць і такіх любіць. Не хвалойся дужа. Давай лепш зоймемся тым, чым трэба». – «*Чаго? – яе вочы акругліліся. – Чым зоймемся? Ты часам на каменяломнях сваіх не перагрэўся?*» – «*Я пра сцэнар, калі што. А ты?*» – «*Цьху, растуды тваю матніхай, – нязлым ціхім словам выбухнула Рыбанька і сумелася*» (С. Балахонаў. Інфанта і аднарог, 2015); в русском: «*О, сколько раз в течение девяти часов своей автобусной эпопеи помянула я «незлым тихим словом»* сенсора, пожалевшего для меня несколько тысяч боливар на самолет» (С. Максимова. Хождение за три солнца, 2003); в украинском: «*Ось тільки кому з можновладців прийшла в голову «геніальна» ідея спустити при цьому в Полтву міський колектор – про те історія замовчує, але вже не одне покоління городян знеособлено поминають його незлим, тихим словом*» (inbus.ua/uk/blog, 15.07.2020). В таком случае семантическая структура шевченкизма сложнее, он развил второе значение 'вспоминать неодобрительно, с презрением о ком-, чем-либо; ругать кого-, что-либо'.

Выводы. В силу объективных и субъективных факторов изучение взаимовлияния восточнославянских языков в эпонимической сфере, осуществляющееся практически только в лексикографии, является в целом недостаточным, а в белорусской словарной практике – и односторонним, ведущимся только по линии заимствования из русского языка. Однако украинский материал, как показывает функционирование в современной белорусской речи выражений, которые восходят к творчеству Шевченко, должен привлекаться, если ставится задача максимально полного собрания белорусских эпонимов.

Апелляция к шевченковским текстам в белорусской речи осуществляется в двух сферах: в художественной литературе (прежде всего в сочинениях писателей, которые переводили стихи из «Кобзаря») и в массово-коммуникативных текстах (в публицистических текстах, обычно передающих повышенный общественно-политический накал, и – что крайне важно – в социальных сетях, отражающих повседневную речь современных носителей белорусского языка).

Такая апелляция имеет разные формы – это и прямая цитация, и скрытая (реминисцентная) цитация, и аллюзивное обращение, и фразеологическое заимствование. Последнее важно не только для лингвокультуры в целом, но и для формирования эпонимического корпуса белорусского языка в частности.

В живой белорусской речи активно функционируют два шевченкизма на *Україне мілай* и *пам'януць нязлым ціхім словам*, являющиеся эпонимами (в соответствующих эквивалентах) и в двух других восточнославянских языках.

Дальнейшие разыскания должны воссоздать полную картину результатов взаимодействия восточнославянских лингвокультур на персональном уровне, а предложенный путь поисков может быть применен и для восполнения эпонимических лакун в других языках.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В данной статье частично используется тот иллюстративный материал, который был собран автором этих строк для белорусской части указанного справочника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аниченко В.В. Белорусско-украинские письменно-языковые связи: автореф. на соискание ученой степени д-ра филол. наук: спец. 10.00.00 – филология (белорусский язык). Минск, 1969. 39 с.
2. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка в 2-х т. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009. Т. 1. 658 с.; Т. 2. 737 с.
3. Венжинович Н.Ф. Утілення евангельської мудрості у фразеологічних виразах української та російської мов. *Наук. вісн. Ужгород. ун-ту. Серія «Філологія. Соціальні комунікації»*. 2011. Вип. 25. С. 40–44.
4. Венідзіктаў С.В., Даніленка І.Л., Іванова С.Ф., Іваноў Я.Я. Крылатыя выразы ў беларускай мове. Ч. 1. 3 іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. 136 с.
5. Гапоненко И. Влияние восточнославянских языков на белорусский язык начала XX в. *Белару-сазнаўчыя даследаванні*. 2018. № 12. С. 191–213.
6. Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. Киев: ИПЦ «Київський університет», 2002. 294 с.
7. Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря). Киев: Вид. дім «Комп'ютерпрес», 2003. Ч. 4. 212 с.
8. Дядечко Л.П. Крылатые выражения Тараса Шевченко в русском языке. URL: <http://uapryal.com.ua/9-marta-den-rozhdeniya-tarasa-grigorevicha-shevchenko-l-p-dyadechko-kryilatye-vyirazheniya-tarasa-shevchenko-v-russkom-yazyke/> [2020]
9. Дядечко Л.П., Петренко О.В., Прадид Ю.Ф. 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: русско-украинский и украинско-русский толковый словарь. Симферополь: ФЛП Лемешко К.А., 2012. [Книга-«перевертыш».] 584 + 236 с.
10. Займовский С.Г. Крылатые слова: Справочник цитаты и афоризма. Москва; Ленинград: Госиздат, 1930. 493 с.
11. Зинкевич А. Языковые контакты в Славии – XXI век. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2013. Vol. 1. P. 129–149.
12. Іваноў Я.Я. Афарыстыка мовы мастацкага твора (паэма Якуба Коласа «Новая зямля»): лексікаграфічны аспект. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. 84 с.
13. Иванов Е.Е., Кравцова Д.С. О лексикографическом описании крылатых афоризмов из библейских источников в современном белорусском языке (с эквивалентами библейских афоризмов в русском языке). *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2019. № 3 (103). С. 54–63.
14. Калинин Л. Купала Янка. *Шевченківська енциклопедія: в 6 т.* Т. 3. Київ: Інститут літератури ім.Т.Г. Шевченка, 2013. 888 с.
15. Каляка М.М. Великі слова – велика сила. Херсон: Айлант, 1999. 138 с.
16. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. Москва: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
17. Коваль А.П., Коптілов В.В. 1000 крилатих виразів української літературної мови. Київ: Наукова думка, 1964. 671 с.
18. Коваль А., Коптілов В. Крилаті вислови в українській літературній мові. 3-тє вид. Київ: Ярославів Вал, 2011. 701 с.
19. Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Крылатое слово А.В. Кольцова. Опыт словаря. Воронеж: ИПЦ Воронежского государственного университета, 2012. 183 с.
20. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік [у 5 ч.]. Ч. 2: 3 рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / С.В. Венідзіктаў, І.Л. Даніленка, Я.Я. Іваноў [і інш.]. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. 208 с.
21. Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П. Большой словарь крылатых выражений Александра Грибоедова («Горе от ума»). Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 800 с.
22. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета: Фолио-пресс, 1999. 748 с.
23. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Басни Ивана Андреевича Крылова: Цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2013. 681 с.
24. Редников И.И. Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением. Вятка: Тип. Кукина, 1883. 229 с.
25. Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 253 с.

26. Спіс твораў для дадатковага чытання па вучэбным прадмеце «Беларуская літаратура» ў 5–11 класах (2019 р.) URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protses-2019-2020-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/202-uchebnye-predmety-v-xi-klassy/1270-belaruskaya-litaratura.html>
27. Учебная программа факультативных занятий «Украинский язык» для V–IX классов учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания / Сост. Н.А. Вологовская. Минск, 2018. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protses-2019-2020-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/202-uchebnye-predmety-v-xi-klassy/1273-yazyk-i-literatura-natsionalnogo-menshinstva.html>
28. Філіповіч С.Т. Матэрыялы школьнага конкурсу чытальнікаў «Вялікі Кабзар Украіны». Мінск, 2009. URL: <https://vuchoba.org/syarednyaya-agulenaadukacijnaya-shkola-213g-minska-materiyali.html>
29. Щербина В. Євангеліє українців, або Крилаті вислови «Кобзаря». Київ: Видавництво ім. Олени Теліги, 2001. 496 с.
30. Янкоўскі Ф. Крылатыя словы і афарызмы: 3 беларускіх літаратурных крыніц. Мінск: АН БССР, 1960. 135 с.
31. Diadechko L.P. Winged words as a nation consolidating factor. *Phraseologie global – areal – regional: Akten der Konferenz EUROPHRAS 2008*. Tübingen: Narr Verlag, 2010. P. 137–142.

REFERENCES

- Anichenko V.V. (1969) Belorussko-ukrainiskie pismenno-yazykovye svyazi [Belarusian-Ukrainian written and language relations]. Past-doctoral author's abstract: Minsk. 39 s. [in Russian].
- Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G. (2008–2009) Bolshoy slovar krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka v 2-h t. [The big dictionary of winged words and phrases of the Russian language in 2 vol.]. Magnitogorsk: MaGU; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. T. 1. 658 s.; T. 2. 737 s. [in Russian].
- Venzhynovych N.F. (2011) Utilennia yevanhelskoi mudrosti u frazeolohichnykh vyrazakh ukrainskoi ta rosiiskoi mov [Inculcating gospel wisdom in Ukrainian and Russian phraseological units]. *Nauk. visn. Uzhhorod. un-tu. Seriya «Filolohiia. Sotsialni komunikatsii»*. Vyp. 25. S. 40–44 [in Ukrainian].
- Venidziktaw S. V., Danilenka I. L., Ivanova S. F., Ivanow Ja. Ja. (2004) Krylatyya vyrazy w belaruskaj move. Ch. 1. Z inshamownyh (ewrapeyskikh i amerykanskih) krynic XII–XX stst. [Winged words in Belarusian language. P. 1. From foreign language (European and American) sources of the 12th–20th centuries]. Magilyow: MDU imja A. A. Kulyashova. 136 s. [in Belarusian].
- Gaponenko I. (2018) Vliyanie vostochnoslavjanskikh yazykov na belorusskiy yazyk nachala XX v. [The influence of east Slavonic languages on the Belarusian language at the beginning of the 20th century]. *Belarusaznawchyya dasledavanni*. № 12. S. 191–213 [in Russian].
- Dyadechko L.P. (2002) Krylatye slova kak obyekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost [Winged words as an object of linguistic description: history and modernity]. Kiev: IPC «Kyivskiy universytet». 294 s. [in Russian].
- Dyadechko L.P. (2003) Novoe v russkoy i ukrainskoy rechi: Krylatye slova – krylati slova (materialy dlya slovarya) [New in Russian and Ukrainian speech: Winged words (materials for the dictionary)]. Kiev: Vid. dim «Komp'juterpres». Ch. 4. 212 s. [in Russian and Ukrainian].
- Dyadechko L.P. (2020) Krylatye vyrazheniya Tarasa Shevchenko v russkom jazyke [Winged words of Taras Shevchenko in Russian]. URL: <http://uapryal.com.ua/9-marta-den-rozhdeniya-tarasa-grigorevicha-shevchenko-l-p-dyadechko-krylatyie-vyrazheniya-tarasa-shevchenko-v-russkom-yazyike/> [in Russian].
- Dyadechko L.P., Petrenko O.V., Pradid Yu.F. (2012) 250 krylatykh slov i vyrazheniy N.V. Gogolya: rusko-ukrainskiy i ukrainsko-russkiy tolkovyy slovar [250 winged words and phrases of N. V. Gogol: Russian-Ukrainian and Ukrainian-Russian explanatory dictionary]. [Kniga-«perevertys»]. Simferopol': FLP Lemeshko K. A. 584 + 236 s. [in Russian and Ukrainian].
- Zaymovskiy S.G. (1930) Krylatye slova: Spravochnik citaty i aforizma [Winged Words: A Handbook of Quotes and Aphorisms]. Moskva; Leningrad: Gosizdat. 493 s. [in Russian].
- Zinkevich A. (2013) Yazykovyye kontakty v Slavii – XXI vek [Language contacts in Slavia – 21st century]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Vol. 1. P. 129–149 [in Russian].
- Ivanow Ya.Ya. (2004) Afarystyka movy mastackaga tvora (payema Yakuba Kolasa «Novaya zyamlya»): leksikagrafichny aspekt [Aphorisms of the language of a work of art (poem by Yakub Kolas «New land»): lexicographic aspect]. Magilyow: MDU imya A.A. Kulyashova. 84 s. [in Belarusian].
- Ivanov E.E., Kravtsova D.S. (2019) O leksikograficheskom opisani krylatykh aforizmov iz bibleyskikh istochnikov v sovremennom belorusskom yazyke (s ekvivalentami bibleyskikh aforizmov v russkom yazyke) [Lexicographic description of winged aphorisms from Bible in the modern Belarusian language (with equivalents of biblical aphorisms in Russian language)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. № 3 (103). S. 54–63 [in Russian].
- Kalynchuk L. (2013) Kupala Yanka. *Shevchenkivska entsyklopediia: v 6 t. T. 3*. Kyiv: Instytut literatury im. T.H. Shevchenka. 888 s. [in Ukrainian].
- Kaliaka M.M. (1999) Velyki slova – velyka syla [Great words have great power]. Kherson: Ailant. 138 s. [in Ukrainian].

16. Karaulov Yu.N. (2010) Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost [Russian language and linguistic personality]. Izd. 7-e. Moskva: Izdatelstvo LKI. 264 s. [in Russian].
17. Koval A.P., Koptilov V.V. (1964) 1000 krylatkh vyraziv ukrainskoi literaturnoi movy [1000 winged phrases of the Ukrainian literary language]. Kyiv: Naukova dumka. 671 s. [in Ukrainian].
18. Koval A., Koptilov V. (2011) Krylati vyslovy v ukrainskii literaturnii movi [Winged phrases in the Ukrainian literary language]. 3-tie vyd. Kyiv: Yaroslaviv Val. 701 s. [in Ukrainian].
19. Koltsova L.M., Churikov S.A. (2012) Krylatoe slovo A.V. Koltsova. Opyit slovarya [The winged word of A.V. Koltsov. Dictionary experience]. Voronezh: IPTs Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 183 s. [in Russian].
20. Krylatyia vyrazyi w belaruskay move: tлумachalny slownik [u 5 ch.]. Ch. 2: Z ruskamownykh litaraturnykh i falklornykh krynic XII–XX stst. [Winged phrases in the Belarusian language: explanatory dictionary [in 5 p.]. P. 2: From Russian-language literary and folklore sources of the 12th–20th centuries] / S.V. Venidziktaw, I.L. Danilenka, Ya. Ya. Ivanow [i insh.]. Magilyow: MDU imya A.A. Kulyashova, 2006. 208 s. [in Belarusian].
21. Mokienko V.M., Semenets O.P., Sidorenko K.P. (2009) Bolshoy slovar krylatykh vyrazheniy Aleksandra Griboedova («Gore ot uma») [A large dictionary of winged phrases by Alexander Griboedov («Woe from Wit»)]. Moskva: OLMA Media Grupp. 800 s. [in Russian].
22. Mokienko V.M., Sidorenko K.P. (1999) Slovar krylatykh vyrazheniy Pushkina [Dictionary of Pushkin's winged words]. Sankt Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta: Folio-press. 748 s. [in Russian].
23. Mokienko V.M., Sidorenko K.P. (2013) Basni Ivana Andreevicha Krylova: Tsitaty, literaturnye obrazy, krylatye vyrazheniya: slovar-spravochnik [Fables of Ivan Andreevich Krylov: Quotes, literary images, winged words: references]. Sankt-Peterburg: Svoe izdatelstvo. 681 s. [in Russian].
24. Rednikov I.I. (1883) Sbornik zamechatelnykh izrecheniy, tsitat, pogovorok i t. p. razlichnykh vremen i narodov s istoricheskim i sravnitelnyim obyasnieniem [A collection of wonderful sayings, quotes, catchphrases, etc. of various times and peoples with a historical and comparative explanation]. Vyatka: Tip. Kukina. 229 s. [in Russian].
25. Sidorenko K.P. (1999) Intertekstovye svyazi pushkinskogo slova [Intertextual links of Pushkin's word]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. 253 s. [in Russian].
26. Spis tvoraw dlya dadatkovaga chytannya pa vuchyebnym pradmece «Belaruskaja litaratura» w 5–11 klasah. (2019) [List of works for additional reading on the subject «Belarusian Literature» in grades 5–11] URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protse-2019-2020-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/202-uchebnye-predmety-v-xi-klassy/1270-belaruskaya-litaratura.html> [in Belarusian].
27. Uchebnaya programma fakultativnykh zanyatiy «Ukrainskiy yazyk» dlya V–IX klassov uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya s belarusskim i russkim yazykami obucheniya i vospitaniya [The curriculum of optional lessons «Ukrainian language» for V–IX grades of institutions of general secondary education with Belarusian and Russian languages of instruction and education] / Sost. N.A. Volotovskaya. Minsk, 2018. URL: <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protse-2019-2020-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/202-uchebnye-predmety-v-xi-klassy/1273-yazyk-i-literatura-natsionalnogo-menshinstva.html> [in Russian].
28. Filipovich S.T. (2009) Matyeriialy shkolnaga konkursu chytalnikaw «Vyaliki Kabzar Ukrainy». [Materials of the school competition of readers «Great Kobzar of Ukraine»]. Minsk. URL: <https://vuchoba.org/syarednyaya-agulenaadukacijnaya-shkola-213g-minska-materiiali.html> [in Belarusian].
29. Shcherbyna V. (2001) Yevanheliie ukrainsiv, abo Krylati vyslovy «Kobzaria» [The Gospel of Ukrainians, or Winged words from «Kobzar»]. Kyiv: Vydavnytstvo im. Oleny Telihy. 496 s. [in Ukrainian].
30. Yankowski F. (1960) Krylatyia slovy i afaryzmy: Z belaruskikh litaraturnykh krynic [Winged words and aphorisms: From Belarusian literary sources]. Minsk: AN BSSR. 135 s. [in Belarusian].
31. Diadechko L.P. (2010) Winged words as a nation consolidating factor. *Phraseologie global – areal – regional: Akten der Konferenz EUROPHRAS 2008*. Tübingen: Narr Verlag. P. 137–142 [in English].

SHEVCHENKO'S WORD IN THE BELARUSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF EAST SLAVIC EPTONYMIC INTERACTION

Abstract. The article examines functioning of Shevchenko's texts in Belarusian linguoculture in the context of mutual influence of East Slavic languages in the area of winged words.

Actuality of the study is due to general interest in problems of cultural linguistics, linguistic personalology and development of Slavic eptography. *The purpose* of the study is to establish forms and degree of consolidation of Shevchenko's expressions in Belarusian language on background of mutual reflection in East Slavic eptonymic dictionaries of expressions of prominent figures – representatives of Belarusian, Russian and Ukrainian nations. *The main tasks* are to identify texts that use Shevchenko's expressions for characterizing purposes, to define the main types of these expressions, to prove consolidation of their part as phraseological units in Belarusian language.

Cross-analysis of dictionaries showed that in Belarusian and Ukrainian lexicography among units of foreign origin only winged words of Russian-speaking authors are massively reflected. In Belarusian eptography any turn of Ukrainian origin is not recorded, however, for example, phrases from the works of Shevchenko are found: 1) in the texts of Belarusian writers (primarily translators of poems from Kobzar), 2) in the texts of mass communication (in journalistic articles about events related to Ukraine or reminiscent of them, reflecting everyday speech of modern native speakers of Belarusian language). In Belarusian texts Shevchenko's turns are used as quotations, reminiscences, allusions and eponyms (winged words in narrow sense). In role of eponyms, which developed variability of structure and assigned its own meaning to it, in Belarusian language there are

two Shevchenko's expressions *на Україне мілай* and *пам'януць нязлым ціхім словам*. Corresponding equivalents function in Ukrainian and Russian languages also as eponyms.

The research carried out demonstrates necessity of further searches for eptological facts of mutual influence of East Slavic languages in order to recreate the general picture of such mutual influence.

Keywords: winged words, quotations, allusions, eponyms, Shevchenko, Belarusian language, lexicography, mutual influence of East Slavic languages.

ШЕВЧЕНКІВСЬКЕ СЛОВО В БІЛОРУСЬКІЙ МОВІ В КОНТЕКСТІ СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКОЇ ЕПТОНІМІЧНОЇ ВЗАЄМОДІЇ

Анотація. У статті вивчається функціонування шевченківських текстів у білоруській лінгвокультурі в контексті взаємовпливу східнослов'янських мов на ептоніми – крилаті звороти у вузькому значенні.

Актуальність дослідження зумовлена загальною зацікавленістю проблемами лінгвокультурології й лінгвоперсоналогії, активним розвитком слов'янської ептографії й соціальним замовленням (актуальними питаннями самоідентифікації східнослов'янських народів). Мета статті – встановити форми і ступінь закріплення шевченківських зворотів у білоруській мові на тлі взаємного відображення у східнослов'янських ептонімічних словниках висловів видатних діячів – представників білоруського, російського й українського народів. Головні завдання – виявити тексти, в яких використовуються шевченківські висловлювання в характеризувальній функції; визначити їх основні типи; довести закріплення певних зворотів на правах фразеологізмів у білоруській мові.

Перехресний аналіз словників показав, що в білоруській та українській лексикографії через об'єктивні й суб'єктивні причини серед одиниць іншомовного походження масово відбиті тільки ептоніми російськомовних авторів. У білоруській ептографії не зафіксований жоден зворот українського походження, проте, наприклад, фрази з творів Шевченка трапляються: 1) у текстах білоруських письменників (передусім перекладачів віршів з «Кобзаря»), 2) у текстах масової комунікації (у публіцистиці про події, пов'язані з Україною, або схожі на них, і в соціальних мережах, що відбивають живе мовлення сучасних носіїв білоруської мови). У білоруських текстах шевченківські звороти використовуються як цитати, ремінісценції, алюзії й ептоніми. У ролі ептонімів у білоруській мові виступають два звороти, що походять із «Заповіту» Шевченка: *на Україне мілай* і *пам'януць нязлым ціхім словам*. Відповідні еквіваленти функціонують в українській і російській мовах теж як ептоніми.

Проведене дослідження демонструє необхідність подальших пошуків ептологічних фактів східнослов'янського взаємовпливу для відтворення його повної картини.

Ключові слова: крилаті слова, цитати, алюзії, ептоніми, Шевченко, білоруська мова, східнослов'янська мовна взаємодія, лексикографія.

© Дядечко Л.П., 2020 р.

Людмила П. Дядечко – доктор філологічних наук, професор кафедри російської філології Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, Київ, Україна; <https://orcid.org/0000-0002-7638-7163>

Ludmyla P. Diadchko – Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department at the Institute of Philology, Taras Shevchenko Kyiv National University, Kyiv, Ukraine; <https://orcid.org/0000-0002-7638-7163>